

Луиза Мэй Олкотт

ЛОСКУТНЫЙ
МЕШОЧЕК
ТЕТУШКИ ДЖО

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
О 54

Louisa May Alcott
AUNT JO'S SCRAP-BAG

Перевод с английского
Антон Иванова и Анны Устиновой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрации
Луизы Мэй Олкотт, Эбигейл Мэй Олкотт, Эдди Лэдьярда

ISBN 978-5-389-25008-6

© А. Д. Иванов, А. В. Устинова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

МОИ МАЛЬЧИКИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как бабушки перетряхивают мешочки с забавными мелочами, скопившимися за много лет, в поисках подарков к Рождеству, так и я вытряхнула из памяти кое-какие истории, полузабытые и относительно свежие, чтобы развлечь ими столь быстро и счастливо разросшуюся вокруг меня семью.

Надеюсь, милые мои «маленькие лапочки», прошеествовав по пробуждении в ночных рубашках и колпаках к своим рождественским чулкам и среди прочего обнаружив скромный презент тети Джо, ахнут от удовольствия и, может быть, даже примутся радостно пританцовывать.

Рождественские каникулы с 1871 на 1872 год

МОИ МАЛЬЧИКИ

Ощущая, что мне выпала редкая удача познать весьма разнообразные черты представителей этой энергичной, яркой и привилегированной части человечества, хочу поделиться кое-чем из приобретенного опыта в надежде заставить людей задуматься, стоит ли превосходным плодам под названием «мальчики» произрастать в небрежении, подобно дичкам в лесу.

Я порой размышляю недоуменно, почему даже самые близкие люди почти обходят их с определенного возраста своим вниманием. Пока они маленькие, розовощекие, беззаботно-нежные и почти бессознательные существа, восхищение ими безмерно. Похвалы и ласки льются на них со всех сторон. Ими восторгаются, их обожают, нянчат и наряжают до такой степени, что можно лишь диву даваться, каким образом не портят окончательно. Но вот мальчик вышел из нежного возраста, и что же? Взрослые предпочитают держаться от него подальше, как от источника шума, всяческих неприятностей и помех. И он шествует одиноко по тернистому пути испытаний до самого совершеннолетия, когда вновь окажется в фаворе.

Мне мальчики этого заброшенного возраста, когда старшие их лишают опеки, которая теперь им как раз совершенно не помешала бы, все же нравились. Устрицы и мальчики хороши свежими. Бесспорно, хорошие манеры располагают к себе, но некоторый налет грубости тоже по-своему занимателен, пусть и отпугивает от мальчиков большинство человечества. Ведь разве не радостно, проникнув сквозь толщу колючей поверхности, ощутить под ней мягкое нутро? До вкусного ядрышка ореха тоже не доберешься, пока не расколешь жесткой скорлупы.

Первым предметом моего обожания среди мальчиков стал некий Фрэнк. Я, семилетняя, липла к нему в порыве чувств, которые, боюсь, ни малейшего отклика у него не вызывали. Присутствие в доме шести девочек оставляло меня равнодушной. Мне было нечего им сказать, и я предпочитала таскаться хвостиком за Фрэнком, испытывая огромное счастье, если он позволял мне с ним поиграть. Увы, вел себя со мной этот Фрэнк тиранически. Он неустанно стремился довести меня до слез, и никакие другие замыслы не в силах были его увлечь. Шлепки по рукам то книжками, то палочками, которыми гоняют по земле обруч, то обувью разных фасонов и видов или еще какими-нибудь предметами, попадавшимися под руку и пригодными для звонкого, обжигающего шлепка, щедро сыпались на меня. Я принимала эти знаки расположения со стойкостью сильного духом индейского воина, и сколь же достойной наградой за рубцы на ладонях мне показались его слова, обращенные к другим мальчикам: «А малышка-то она храбрая. Заплакать ее не заставишь».

Главным для меня удовольствием было болтаться с ним в длинных галереях фабрики, изготавливающей фортепьяно, которая находилась за нашим домом. Тяжелые грузы тамошние рабочие перевозили на тележках. Эти тележки и доставляли нам с Фрэнком главное удовольствие. Забравшись украдкой в какую-нибудь из них, мы скатывались стремительно вниз по наклонному полу. В конце пути нас порой ожидало крушение, но даже синяки и ссадины не удерживали от новых попыток. Если бы я могла к тому же играть с Фрэнком и Билли Бэбком в футбол на общинном поле, для меня не существовало бы большей радости. Но футбол считался занятием для девочек недопустимым, и мне лишь оставалось вымещать свой гнев на такую несправедливость, гоня без остановки палочкой обруч по аллее для прогулок, что почиталось неприемлемым уже для мальчиков.

Помню счастливые вечера, когда мы с Фрэнком, угнездившись в уголках дивана, наслаждались украденными из кладовки лакомствами и мечтательно строили планы дальнейших проделок. Иногда в такие моменты усталый Фрэнк клал голову мне на колени, не пресекая попыток ее погладить. А вот чем

занимались девочки, я не помню. Их игры в домовитых хозяек оставались за кругом моих интересов. Только веселый мальчишка с озорно поблескивающими глазами ясно виден мне сквозь пелену времен. Его образ, возможно, остался бы идеальным, не загаси Фрэнк свое сияние поступком, который столь глубоко меня ранил, что я не в силах его простить по сей день.

Однажды, после очередного, особенно дерзкого озорства, я, не дожидаясь, когда меня призовут к ответу, заперлась в столовой и бросила из своего убежища вызов всему миру. Расчет мой был хитер и прост. Близилось время обеда, который должен был состояться именно там, где я засела, что позволяло мне диктовать условия, на которых я открою доступ сюда всем остальным. И вероятно, я добилась бы своего, если бы не вероломство самого дорогого тогда существа. Фрэнк предал меня. Едва я пустила его в столовую через окно, как он отомкнул дверь противнику, да к тому же, переметнувшись на вражескую сторону, помог доставить меня до места позорного заточения. Мое сердце было почти разбито. Мне-то казалось, что Фрэнк готов встать на мою защиту с той же решительностью, как я — принять его сторону!

С трудом вынеся тяжелый удар, я безвозвратно утратила любовь к нему и доверие. Дружба кончилась. Склеить ее оказались не в силах ни имбирное печенье, ни катание на тележках, ни даже футбол. Я до сих пор помню боль, пронзившую меня кинжалом, — предательство первого мальчика, которого я считала всецело мне преданным.

Вторая моя привязанность оказалась совершенно иного рода и завершилась куда как более благополучным образом. В возрасте десяти лет я была сочтена домашними достаточно зрелой, чтобы отправиться погостить к веселому и доброму семейству, жившему в... Ну, почему бы и не сказать прямо? Жили они в Провиденсе¹. Семья эта состояла только из взрослых уже людей, которые моментально меня окружили вниманием и за-

---

¹ Название этого города в штате Род-Айленд (Providence) в буквальном переводе с английского означает «предусмотрительность», «бережливость», «Божий промысел», но также — в американском варианте — еще и «бедствие». — *Примеч. перев.*

ботой. Все носились со мной, а в особенности один из молодых домочадцев, по имени Кристофер. И таким добрым, терпеливым и одновременно веселым был этот чудесный Кристи, что я очень скоро его присвоила, считая своим, и притом замечательным, мальчиком. Ведь именно он вытаскивал меня из бесконечных передрыг, а уж развлекать и вовсе не уставал, хотя я, одержимая беспокойным нравом, постоянно что-нибудь вытворяла, держа всю семью в лихорадке тревоги. Он никогда не смеялся над моими неудачами и ошибками, не разыгрывал меня, подобно некоему Уильяму, постоянно дававшему мне всяческие обидные прозвища и, пользуясь моей дикарской доверчивостью, подстрекавшему к разным проказам. Любая моя затея находила у Кристи сочувствие и поддержку. Он позволял мне кататься на коровах, кормить свиней, барабанить по пианино, накручивать без конца ручку мельницы для специй, наслаждаясь запахами корицы и гвоздики, никогда не ругал. И казалось, дружба с маленькой мучительницей его совершенно не утомляла.

Неделю спустя развлечения этого места были мною исчерпаны, я заскучала и начала тосковать по дому. До сих пор полагаю, что меня быстро вернули бы в лоно семьи либо я сбежала бы туда самостоятельно еще до исхода второй недели своего гостевания, если бы не поддержка Кристи, который истинно по-мужски и по-братски спас меня в час моего позора.

Однажды, охваченная самыми добрыми чувствами и жгучей любовью к ближнему, но при этом не отдающая себе отчета в последствиях своих поступков, я собрала в амбаре детишек местных бедняков и от души накормила их пирогом и фигами, которые щедрой рукой почерпнула без разрешения из хозяйской кладовки. Хозяевам я собиралась все объяснить позже, однако была застигнута в ходе очередного набега на запасы провизии, которые не успели еще иссякнуть моими стараниями. Терпение матери семейства лопнуло. Меня отправили на чердак поразмыслить о своих грехах и малоприятной перспективе отсылки домой с репутацией самого ужасного ребенка, которого эти милые люди когда-либо видели.

И я, усевшись уныло в чердачном своем заточении на пыльный сундучок, принялась размышлять, до чего трудны и не-

благодарны правильные поступки. Ведь сколько твердят нам со всех сторон, что помогать бедным, кормить их — первейший наш долг. Именно его я исполнила, но теперь за это наказана, превратилась в изгоя, навлекла позор на свою семью.

Положение мне представлялось отчаянным. Никто никогда отныне не станет любить такого плохого ребенка. «Если сюда вдруг сейчас явятся мыши и съедят меня прямо на этом самом месте, как злого епископа Гатонна из стихотворения Роберта Саути¹, мои друзья лишь вздохнут с облегчением», — подумала я, но в столь ужасный для себя момент услышала вдруг, как мой Кристи внизу говорит: «Нет, Фанни, я не согласен с тобой. Намерения-то у нее были добрые».

А затем мой мальчик, полный сочувствия, поднялся меня утешать. Одного взгляда на горестное мое лицо ему оказалось достаточно. Опустившись в старое кресло, он усадил меня к себе на колени, крепко обнял, и молчаливое это участие значило для меня больше самых красноречивых слов. Добрые его руки, свидетельствуя о неослабевшей дружбе, вытягивали меня на поверхность из бездны отчаяния, а в глазах его я читала, что грех мой не так ужасен, чтобы его невозможно было простить.

До его появления я и слезинки не проронила, а тут зашлась от рыданий и льнула к нему, словно юнга, которого чудом спасли, сняв с обломков разбитого в шторм корабля. Никто из нас не вымолвил ни слова. Он просто крепко меня обнимал, позволяя выплакаться, пока я не уснула. Потому что, когда ливень слез иссяк, на меня снизошло умиротворение. И сумрачный старый чердак мне стал представляться чуть ли не райским убежищем, после того как мой мальчик пришел туда.

Долго ли длился мой сон, не знаю, но, должно быть, не меньше часа, и, пока я спала, добрый мой Кристи ни разу не шелкнулся. Он терпеливо ждал, чтобы пробуждение в сумерках не испугало меня, и я сразу увидела его с собой рядом. А потом бережно отвел меня вниз, тихую как мышка, и весь трудный вечер оставался рядом, оберегая от насмешек и суровых взглядов, пока не настало время отправиться спать. Кристи поднял-

---

¹ Это стихотворение «Суд Божий над епископом» на русский язык переведено В. А. Жуковским. — *Примеч. ред.*

ся в спальню вместе со мной, пожелал мне спокойной ночи и заверил, что ничего из сегодняшнего происшествия не дойдет до моих родных. Гнет свалился с моей души. Помню, сколь пылко начала я его благодарить, заверив в итоге, что никогда этого не забуду.

И я действительно не забыла, хотя он давно уже умер, а у остальных свидетелей той моей давней проделки она наверняка уже стерлась из памяти. За прошедшие годы я не раз задумывалась, каким образом смог он тогда безошибочно нащупать самый короткий и верный путь к сердцу ребенка. Откуда нашлось в нем столько терпения, нежности и сочувствия? Ответа нет. Лишь образ Кристи вот уже тридцать лет по-прежнему для меня жив и ярок.

Сай был моим другом два летних сезона, на протяжении которых мы будоражили соседей захватывающими выходками, умудряясь лишь чудом остаться целыми и невредимыми. Никогда больше не попадался мне мальчишка, столь одержимый озорством и наделенный способностью, втягивая в переделки других, самому оставаться вне опасности. В этом он не знал себе равных.

«Ну, я же предупреждал тебя», — мог сказать он невозмутимо и назидательно, после того как я воплощала с его подачи очередную головокружительную идею.

«Спорим, тебе слабó это сделать», — подначивал Сай, осенный очередным замыслом.

Слова эти воспламеняли меня, как искра порох. Диву даюсь, как дружба с Саем не стоила мне потери конечностей, зрения, слуха, а также обоняния и осязания. Для всех свидетелей наших игр это представлялось подлинным чудом. Когда Сай подбил меня спрыгнуть с самой высокой балки в амбаре, домой я возвращалась на носилках с вывихнутыми лодыжками. Доказав, что мне не слабó натереть глаза едкими красными перчиками, я на какое-то время ослепла и вопила от адской боли, а Сай заботливо помог мне доковылять до дома. И это он, побожившись, что поросята умрут, если им не отрезать хвостики, уговорил меня держать по очереди каждого из тринадцати верещащих свинят, пока сам занимался варварской экзекуцией.

Память о невинно-розовых хвостиках преследует меня до сих пор, вызывая по-иудейски стойкое отвращение к свинине.

Дружба наша длилась недолго, но, будучи в известной мере родственной мне душой, Сай достоин занять место в списке моих мальчиков. Он вырос в смуглого крупного мужчину, с честью прошел Гражданскую войну, а ныне трудится не покладая рук на собственной ферме. Когда мы с ним иногда встречаемся, все попытки держаться солидно, как и положено людям взрослым, разбиваются в прах о хитрый блеск его глаз. От моей серьезности не остается следа, и мы начинаем с хохотом вспоминать былые проделки.

Огастас... О, мой Огастас... Первый возлюбленный юных лет... Самый романтичный из всех моих мальчиков. Когда я повстречала его в пятнадцать лет, мне показалось, что это моя судьба. Поводом для нашего знакомства послужило состязание для грамотеев, устроенное в школе маленького городка, во время коего я, мало кому известная гостья из большого города, оказалась объектом пристального внимания. Изрядно смутившись и от смущения напустив на себя расслабленно-независимый вид, я устроилась в уголке класса, полагая, что в своей шляпке с красными лентами, завязанными бантом у подбородка, и выставленном на всеобщее обозрение кольце с сердоликом выгляжу на редкость элегантно. Вскоре из всей пестрой массы учениц и учеников, снующих поблизости, взгляд мой выхватил молодого человека «с большими синими глазами, благородным лбом и красивым прямым носом» — именно так впоследствии я описала его сестре. Изысканность и непринужденность манер выгодно отличали его от одноклассников. Выяснив вдобавок, что он сын местного священника, я решила, что не уроню своего достоинства и не нарушу приличий, если обращу на юношу свое благосклонное внимание.

Вообразите же «трепет, меня охвативший» (как выразилась бы Эвелин из романа мисс Фанни Бёрни «Вступление юной леди в мир»), когда он первым подошел ко мне и завел беседу, поначалу робко, а вскорости непринужденно, за коей последовало приглашение на завтрашний сбор черники. Кстати, то школьное испытание он выдержал лучше всех. Речь его отли-

чалась точностью и изяществом. Он даже цитировал Байрона, очаровательно закатывая при этом глаза. И уж вовсе меня подкупило его намерение (после вопроса, кто подарил мне такое красивое кольцо) сопровождать меня до самого черничника.

О, какое это было блаженство — устроиться назавтра под деревом на вызолоченной солнцем пустоши, усеянной мальчишками и девочками, более или менее влюбленными, в обществе галантного Огастаса, который услужливо нагибал ко мне кустики, чтобы я милостиво отщипывала с них ягоды, пока мы вели изящную беседу. Я словно бы попала в буколический роман, чем наслаждалась безмерно. Смутная мысль, что этот милый Гас испытывает ко мне особые чувства, бродила в моей голове, не вызывая протеста, пусть даже я посмеивалась про себя и думала, не наподдать ли ему, когда он, рисуясь передо мной, фонтанировал латынью, а прощаясь возле моей калитки, вдруг с томным видом назвал мои каштановые локоны самыми прекрасными на свете.

Бедный дорогой мальчик! Он был наивен, мягкосердечен и полон мечтаний. До чего же романтичные времена пережили мы с ним вместе. Катая меня по пруду на лодке, Огастас время от времени переставал грести и принимался играть на аккордеоне, и лягушки старательно подпевали его мелодиям, в то время как он пытался мне высказать своими честными голубыми глазами непроизносимое. Теперь одна мысль о сырости и москитах вызывает у меня невольную дрожь, но тогда нам все было нипочем. Мы ходили на Полин и Клода Мельнотта¹ и перед моим отъездом домой поклялись хранить верность друг другу и весь год, которой Гасу предстояло провести вдали от дома, в школе, еженедельно обмениваться письмами.

Расстались мы не в слезах. Отнюдь. Подобная ерунда свойственна более позднему возрасту и недетским уже романтическим отношениям. Прощание наше прошло вполне весело и приятно. Я незамедлительно поделилась захватывающей историей своих сердечных переживаний с верной старшей сестрой. Та

¹ Имеется в виду пьеса английского романиста и драматурга Эдварда Бульвер-Литтона (1803–1873) «Лионская красавица» (1838), героиня которой, Полин Дешапель, влюбляется в сына садовника Клода Мельнотта и ради него бросает маркиза Босеана. — *Примеч. перев.*

сама пламенела тогда от смеси пылко-возвышенных чувств, поэтому без колебаний союз наш одобрила, однако, должна признаться, наше с Гасом пламя горело не слишком жарко.

Я не получала от него писем каждую неделю и ничуть из-за того не расстраивалась, хотя фотография его для меня по-прежнему кое-что значила. Время от времени вспоминая о ней, я смотрела на нее и вздыхала. Впрочем, письма все-таки приходили. В них сообщалось, что он целиком и полностью посвящает время учебе, чего и следовало ожидать от такого амбициозного юноши.

Я уже полагала, что новые встречи нам не суждены, однако вскоре после конца учебного года он, к моему удивлению, появился. Визит его поверг меня в невиданный трепет, толкнув на глупость, о которой я до сих пор вспоминаю со смехом. Зная, как ему нравятся мои каштановые кудри, я вдруг одним махом вытащила из волос все гребенки, чтобы воспламенить возлюбленного зрелищем своей артистической встрепанности, и в таком виде сошла к нему вниз по лестнице.

Вместо прежнего Гаса мне навстречу шагнул высокий джентльмен с кастровой шляпой в руке. Такой красивый, взрослый и внушительный, что я на какое-то время оторопела, внутренне сокрушаясь об утраченных гребнях и ощущая себя без них неопрятной простушкой.

Посчитал он меня немножечко чокнутой или нет, не знаю, но встрече явно обрадовался, держался располагающе мило, посвятил в свои планы и сказал, что очень надеется на мой новый приезд в его родной город, с мальчишеским тщеславием оглаживая свою шляпу и, словно бы невзначай, поворачиваясь таким образом, чтобы я хорошо могла разглядеть его фрак.

Намеков на наши скромные чувства Гас из стеснительности избегал, и я за это благословляла его, ибо боялась на них опрометчиво откликнуться или от волнения странно себя повести. Лишь перед самым уходом Огастас, забыв о драгоценной шляпе, простер ко мне руки и с прежним своим, искренним, мальчишеским смехом спросил: «А когда ты приедешь, мы будем снова кататься на лодке и собирать ягоды? Да?»

Синие глаза его засияли прежним весельем и прежним чувством, а я, занавесив покрасневшее лицо растрепанными локо-

нами, пообещала из-за этой завесы, что приеду, но обещания своего, увы, не исполнила. Мне не пришлось ехать в те края, потому что возлюбленного моего там больше не было. Он умер от лихорадки, вызванной чересчур усердной учебой, всего через несколько недель после визита ко мне.

Потом я много лет жила без мальчиков, но занята была настолько, что обездоленной себя от этого не чувствовала до самой войны¹, когда, работая в госпитале, повстречала юного сержанта. Его история мною изложена в другом сочинении, поэтому здесь лишь скажу: малыш Би до сих пор жив и здоров. Время от времени я получаю от него письма. В них он со мною делится планами на будущее, прося иногда совета, и радуется рассказами о все новых своих успехах в бизнесе, который ведет в Канзасе.

Но вот война кончилась, и не успела я прийти в себя после нее, как, словно бы в компенсацию за утрату Огастаса, судьбе оказалось угодно излить на меня целый ливень мальчиков, с иными из коих, разумеется самыми лучшими, мне посчастливилось подружиться. Хотя и очень юные, все они были тем не менее подлинными джентльменами, и мы замечательно проводили время, взбадривая старый городок энергичным своим присутствием.

Один из них, назовем его У., крепко сбитый, приятный юноша, относился к числу тех натур, которые, замерев посреди земляничной поляны, позволяют вам накормить себя ягодами, которые вы собираете, а сами и рук из карманов не вынут. Очаровательный шалопай Б. являлся ко мне раз в неделю, бил себя в грудь, каясь в грехах и клянясь самыми страшными клятвами исправиться, чтобы на следующей же неделе беззаботно, весело и легко нарушить все до единого зарюки. С. представлял собою верзилу, наделенного нежнейшим сердцем. Д. был типичным денди. Еще один Б. — воплощением разума и серьезности. Е. — рыцарем без страха и упрека.

Сильнее других из этой когорты привлекал меня А. Стеснительность заставляла его держаться со всеми так гордо, холод-

¹ Речь идет о Гражданской войне 1861–1865 годов между Севером и Югом, положившей конец рабству в США. — *Примеч. перев.*

но и неприступно, что я далеко не сразу смогла разглядеть за этой броней благородное, нежное, соvestливое и отзывчивое существо.

Спасибо Диккенсу, сочинившему рождественскую фантазию «Одержимый, или Сделка с призраком». При постановке спектакля по ней для школьного праздника А. мне и раскрылся. Я обнаружила, до чего славен мой Дольфус (да позволит мне благосклонный читатель назвать его именем диккенсовского героя, ибо эту роль А. как раз и исполнял). До чего же мы наслаждались, играя забавные и трогательные сцены вместе с целым роем маленьких Тетерби, снующих вокруг нас. С этого дня он стал моим Дольфусом, а я — его Софи (моя роль в спектакле). Мой золотоволосый друг доныне меня не забыл, хотя связал свою жизнь с куда более юной, чем я, Софи. И они растят нескольких собственных маленьких Тетерби. Он по-прежнему пишет мне добрые письма, но я, увы, чересчур занята и очень редко на них отвечаю.

И наконец, расскажу о мальчике, который стал мне дороже всех. Был он поляком. Звали его... Икните два раза и один раз чихните, только так и сумеете выговорить с идеальной четкостью имя его и фамилию — Ладислас Вишнеvский. Наше знакомство состоялось шесть лет назад в одном из пансионатов швейцарского городка Вэве. Спустившись однажды к раннему завтраку, я увидела вновь прибывшего постояльца — высокого молодого человека лет восемнадцати—двадцати, явного иностранца, сразу же обращающего на себя внимание необычайно изящными и вежливыми манерами. По мере того как мы, обитатели пансиона, по одному заполняли столовую, дверь в нее оставалась распахнутой, и из каменного коридора весьма ощутимо тянуло холодом. Незнакомцу досталось место недалеко от выхода. При каждом новом порыве сквозняка бедняга зябко ежился и покашливал, кидая тоскливые взгляды на теплый угол у печки. Мое место располагалось как раз возле нее, пышущий жар раздражал меня, поэтому я поспешила воспользоваться возможностью пересесть туда, где прохладнее.

Хозяйка, мадам Водо, моментально вняла моей просьбе, обмен местами состоялся, и уже за обедом наградой мне стала

благодарная улыбка незнакомца, лицо которого даже разругалось от удовольствия, когда, усаживаясь за стол, он ощутил, до чего ему теперь тепло и уютно. Мы сидели слишком далеко друг от друга, чтобы завести разговор, однако, наполнив бокал, молодой человек отвесил поклон в мою сторону и тихо проговорил по-французски: «Ваше здоровье, мадемуазель».

Я ответила тем же. На лицо его вдруг легла тень, и он покачал головой, обнаружив, что здоровье — предмет для него весьма серьезный.

Он, определенно, болен и нуждается в заботе, решила я, за ним надо приглядывать. И окончательно в этом убедилась, когда ближе к вечеру встретила его на прогулке. Он при виде меня улыбнулся, коснувшись рукой козырька фуражки. Тут я заметила, что его сине-белый костюм выглядит по-военному, и — в силу своего пристрастия к героическим юношам в синей форме северян — заинтересовалась им еще больше. Когда же выяснилось, что он участвовал в недавнем Польском восстании¹, к интересу добавилось уважение.

В тот вечер он подошел ко мне в гостиной выразить благодарность на самом очаровательном ломаном английском, который я когда-либо слышала, и держался с такой подкупающе благородной простотой, что я решилась задать ему несколько вопросов и с их помощью выудила из него такую впечатляющую историю.

Вместе с друзьями по университету он сражался на стороне восставших, когда же дело их потерпело крах, покаяние счел для себя позором, предпочтя конфискацию имущества и тюрьму. Теперь, в двадцать лет, он был беден, одинок, серьезно болен и пытался преодолеть смертельный недуг.

Полчаса подобного разговора — и мы уже ощущали себя давними и близкими друзьями.

— Если удача помочь убрать из моей груди дрянь, стану в этой гостеприимной стране заработать на жизнь учителем музыки, — начал делиться он своими планами. — Мои друзья, их двое, нашли убежищ в Париж. Весной к ним поеду, толь-

¹ Польское восстание 1863–1864 годов имело целью восстановление Речи Посполитой и ее отделение от Российской империи. — *Примеч. перев.*

ко надо не умереть, пока здесь зима. Да, одиноко. И невеселый воспоминание. Но у меня есть свой работа. И добрый Бог всегда со мной. Я им утешен и ждать.

Отвага его и неподдельное благочестие усилили мое расположение к нему, заставив им восхищаться, а он продолжал рассказывать о пережитом, каждой новой историей укрепляя во мне это чувство. И когда поведал он мне, как казаки застрелили на рыночной площади пять сотен поляков только за то, что те пели национальный гимн, я попросила:

— Сыграйте, пожалуйста, мне эту запретную мелодию.

Что пианист он хороший, мне было уже известно. Слышала однажды, как он упражнялся на фортепьяно.

В ответ на просьбу мою он поднялся из кресла, окинул пристальным взглядом гостиную и пожал плечами. Я спросила его, в чем дело.

— Глядел убедиться, нет ли барон, — ответил он мне. — Он русский. Наш гимн ему может стать неприятным чувством.

— Играйте. Здесь он не посмеет вам этого запретить, — подбодрила я, предвкушая близкое наслаждение маленькой мстью врагу, так как все, связанное с деспотией России по отношению к Польше, вызывало во мне сильный протест.

— Ах, мадемуазель, — выдохнул он. — Мы с ним и правда враг. Но мы также джентльмен, — добавил он с таким видом, какой может быть свойствен и впрямь только истинно благородной натуре.

Я поблагодарила его за этот урок, но, так как русского джентльмена нигде поблизости не обнаружилось, поляк все же сел за рояль и, мастерски себе аккомпанируя, принялся петь гимн своей многострадальной отчизны. Глаза его сияли. Лицо светилось. О больных легких он явно в этот момент забыл, и голос его звучал так чисто и сильно, будто утраченное здоровье разом вернулось к нему.

Этот вечер сделал отношения наши предельно доверительными. Помня о героических юношах своей родины, я открыла навстречу ему сердце, а он, занесенный судьбой на чужбину и обреченный на одиночество, отвечал мне все большей привязанностью и дарил радость общения с ним.

Настояв, чтобы я звала его Варьо, как мама, он превратился в вечного моего спутника, откликавшегося на любое мое желание, занимался со мной французским, и недели, которые я прожила в пансионе, стали для меня благодаря пленительной дружбе с ним замечательным временем.

От наших уроков оба мы получали огромное наслаждение. Я помогала ему с английским, и, благодаря огромному его интересу к свободной Америке, а также настойчивому стремлению как можно больше узнать о нашей войне, языковой барьер между нами достаточно быстро рухнул. И хоть говорили мы — он по-английски, а я по-французски — по-прежнему довольно коряво, это не мешало нам прекрасно ладить и понимать друг друга. Больше того, Варьо в языковых успехах меня значительно обошел, и ему все реже приходилось хлопать себя с досадой по лбу, восклицая: «Ах, я идиот! Нет во мне сил одолеть этот зверь английский!» Он смог найти в себе силы и месяц спустя прибавил к пяти известным уже ему языкам еще один.

Игра его на фортепьяно пленяла весь пансион. Он часто давал нам концерты, иногда в четыре руки с мадам Тейблин, немолодой, коротко стриженной женщиной в платье мужеподобного кроя, галстук и воротничке, смахивающей на образ святой Цецилии. К музыке оба они относились страстно, по мере игры все сильнее вдохновлялись. Банкетки под ними поскрипывали, пламя свечей в канделябрах, танцую, ложилось бликами на их лица, а четыре белые руки, носясь по клавиатуре, дарили слушателям чарующие звуки. Восторг мой иногда доходил до той степени, когда исполнители и рояль словно перестают существовать и кажется, будто волшебные мелодии, сама гармония нисходят на тебя прямо с небес.

Озеро Леман никогда после не было для меня столь прекрасно, как во время наших с Ладди блужданий по его берегам или катаний по волнам в лодке. А до чего хорош был залитый солнцем сад при старом шато. Сколько чудесных планов мы с Ладди строили там. Я снова наведалась туда в прошлом году, но волшебство исчезло без моего мальчика, с его музыкой, очарованием и трогательной преданностью долговязой старой деве, которую он упорно именовал своей «маленькой мамочкой»,

Олкотт Л. М.

О 54 Лоскутный мешочек тетушки Джо : сборник рассказов / Луиза Мэй Олкотт ; пер. с англ. А. Иванова, А. Устиновой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 896 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25008-6

«Лоскутный мешочек тетушки Джо» — сборник рассказов Луизы Мэй Олкотт, которые она писала для детей, но всю свою глубину они открывают только взрослым, затрагивая самые чуткие струны в сердце. Это пестрое собрание погружает читателя в немного сентиментальную атмосферу семейных вечеров, неторопливых бесед у камина, детских проказ и счастливых воспоминаний.

Хотя рассказы этого сборника и не имеют непосредственной сюжетной связи с самым знаменитым романом писательницы, но не одно только название отсылает к любимой героине «Маленьких женщин» — непоседливой бунтарке Джо Марч, которую Луиза Олкотт писала с себя самой. Созданные в 1880-х годах «Мои мальчики», «Мои девочки», «Три узелка из шалей» и другие произведения из «Лоскутного мешочка» пропитаны той же нежностью и теплом домашнего очага, уютной, как плюшевый плед, ностальгией по лучшему времени жизни — детству и юности. Времени сказок и волшебства, говорящих зверей и игрушек, времени шалостей и ошибок, чудес и открытий и рождения первых серьезных чувств — дружбы, любви, милосердия.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ЛУИЗА МЭЙ ОЛКОТТ
ЛОСКУТНЫЙ МЕШОЧЕК
ТЕТУШКИ ДЖО

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Корректоры Юлия Теплова, Валерий Камендо

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.02.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 54,88. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург к., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-33995-01-R